

4.6. Последний рейд Чернецова. Голубов и Подтёлков. После Чернецова

После налёта на Дебальцево Чернецов с отрядом был вызван 4 января 1918 г. в Новочеркасск для поддержания порядка. Разложение казачьих частей на фронте и в тылу достигло уже такой степени, что необходимо было иметь под рукой надёжные силы, как для предотвращения возможного прорыва советских отрядов, так и для пресечения «внутренних» эксцессов.

Между тем, положение становилось всё более угрожающим. Брожение в казачьих полках усиливалось с каждым днём. Становилось очевидным, при малейшем давлении они сразу же покинут позиции. Приказ о демобилизации старших возрастов лишь усилил пораженческие настроения. Парадоксально, но факт, в критической ситуации Донское правительство на казаков рассчитывать больше не могло.

Была предпринята попытка мобилизовать офицеров. По разным оценкам в одном лишь Новочеркасске осело от 3000 до 7000(!), по выражению И.А. Полякова, «бездельников». По настоянию всё того же Чернецова был, наконец, отдан приказ по гарнизону с предписанием офицерам немедленно зарегистрироваться. Перед регистрацией, в целях ознакомления с ситуацией на фронте, было устроено собрание.

Все помещения Новочеркасского Офицерского Собрания были переполнены. Выступали А. М. Каледин и М. П. Богаевский, обрисовавшие создавшееся катастрофическое положение и призвавшие офицеров пополнить ряды партизан. Офицеры выражали сочувствие, но не более. Выступил и Чернецов. Предлагая вспомнить о присяге и выступить на защиту Дона, есаул не стал повторять высоких слов, а высказал неожиданное, но весьма здравое соображение:

– Д, я погибну! – говорил он. – Но так же погибните и вы! Разница между моей и вашей смертью будет в том, что я буду знать, за что я умираю и умру с восторгом, а вы не будете знать, за что умираете и погибните в глухом подвале, с тупым молчанием, как овцы на бойне...

В перерыве Чернецов предложил офицерам записываться

в его отряд или составить самостоятельный отряд партизан. Из присутствовавших около 800 офицеров записалось только 27, что вызвало возмущение Чернецова: «Всех вас я согнул бы в бараний рог, и первое, что сделал бы – лишил содержания! Позор!» После этого выступления записалось ещё 115 человек – больше желающих не оказалось.

На следующий день вечером была назначена отправка записавшихся на станцию Лихая. Прибыли для посадки в эшелон 30 человек, остальные «распылились». Не следует думать, что все офицеры были такими уж апатичными. Просто большинство из них осело в южном спокойном городе *давно*. Если и столкнулись с эксцессами на фронте, то успели от них отвыкнуть. Большинство из них, не забывая получать от Войска военное пособие, устроили свою частную жизнь вне строя. И менять её, размеренную и сытую, на пешие марши позёмке вдогон и перестрелки у безвестных полустанков в промёрзшей степи даже и не думали.

Это были *не те офицеры*, которые, насмотревшись и натерпевшись, или просто осознавших свой долг, всеми правдами и неправдами пробирались к Корнилову. Которых, опознав по тоске в глазах, выводили из теплушек и расстреливали прямо на путях, или выбрасывали на полном ходу из вагонов. Которые, если уж добирались, опрокидывали потом в штыковых атаках любого противника, ни себя, ни его не жалея. *Тех* никто не уговаривал, они и не нуждались...

Становилось очевидным, отряд Чернецова в несколько сот человек не сможет удержать Новочеркасский участок фронта. Надёжных казачьих частей, за исключением Донского военного училища, которое оставалось в Новочеркасске для патрулирования и охраны города, уже не оставалось. Каледин обратился к Корнилову. В распоряжение Чернецова была передана 4-я Офицерская рота в 50 штыков, которая 9 января заняла станцию Звереву, прикрыв тыл отряда со стороны Дебальцево.

Между тем, развязка приближалась. 10 января в Каменской был создан Донской Воено-революционный комитет. 11 января верными ему казачьими частями были заняты узловыe стан-

ции Лихая и Зверевы³³², расположенные в 80–90 километрах от Новочеркасска.

Вновь было созвано собрание офицеров. Вновь выступали Каледин, Богаевский, Назаров. Когда Войсковой атаман, обрисовав катастрофическое положение на фронте, сказал, что путь на Новочеркасск открыт, и что пока он говорит здесь в Офицерском Собрании, большевики могут занять Атаманский дворец, Чернецов, выйдя из рядов, крикнул: «Пока я жив, я этого не допущу...» И обратившись к офицерам, заявил, что ему нужно на один день 40–50 человек, так как его отряд распущен на три дня и соберется только на следующий день, а на вокзале у него лишь минимальное число людей для охраны эшелона. Желаящим он предложил построиться в соседней комнате. На этот раз их оказалось несколько больше, чем нужно, и Чернецов, отсчитав необходимое число, остальных поблагодарил и отпустил.

Сформированный отряд Чернецов сейчас же направил на вокзал. По прибытии он приказал дежурному по станции немедленно подать паровоз с двумя-тремя вагонами, а затем повел всех офицеров к своему эшелону, выдал всем винтовки с патронами и разбил на группы. Часть была назначена нести охрану станционного района, часть охрану эшелона, а часть с самим Чернецовым немедленно отправилась на станцию Шахтная, которая была занята в ту же ночь. Охраной эшелона и станционного района руководил Роман Лазарев. На другой день, когда собрались партизаны Чернецова, офицерский взвод был распущен, кроме немногих, изъявивших желание остаться в отряде.

12 января Корнилов выделил Чернецову взвод 1-й батареи с двумя орудиями³³³ и пеший взвод с пулемётной командой под командованием подполковника Миончинского. За три дня юнкера-артиллеристы успели приспособить орудия для

³³² Добровольцы 4-й Офицерской роты в бой с командой Донревкома не вступали, так как о съезде в Каменской сведений ещё не имели.

³³³ 1-е орудие образца 1902 г., штабс-капитана А.А. Шперлинга («похоронная пушка»), 2-е орудие образца 1900 г., поручика Казанли.

стрельбы непосредственно с железнодорожных платформ своего эшелона. Следует отметить, что, в отличие от казачьих частей, с добровольческими подразделениями у Чернецова сразу же установилось полное взаимопонимание.

В итоге перед выступлением в отряде Чернецова, кроме артиллеристов 1-й батареи, оказалось три сотни партизан. 1-я сотня под командованием его заместителя поручика Василия Курочкина. 2-я, есаула Е.И. Брыкина³³⁴ и 3-я, штаб-ротмистра Н.И. Иноземцева³³⁵.

Единственным, что могло, хоть в какой-то мере восстановить положение и сохранить перспективы продолжения борьбы был немедленный разгон Каменского ревкома. Вся надежда была на то, что казаки, в массе своей, поддержали Ревком лишь на словах и воевать за него не станут.

15 января к вечеру отряд Чернецова выступил в двух эшелонах³³⁶ из Новочеркасска. В пути получили сведения о том, что малочисленный заслон вынужден был оставить Лихую. Всю ночь простояли на станции Сулин. На рассвете 16 января приблизились к Звереву. Не доезжая до станции, рассыпались в цепь, но эта предосторожность оказалась излишней, так как, команда казаков Донревкома без выстрела снялась и ушла на

³³⁴ 6(19) февраля в поначалу удачном бою под Каменоломнями, закончившимся отступлением, есаул Брыкин был ранен в бедро, однако оставался в строю и почти без потерь вывел взвод «чернецовцев». Вследствие полученного ранения вынужден был остаться в занятом большевиками Новочеркасске.

³³⁵ Штаб-ротмистр Иноземцев погиб в бою на окраине Ростова во второй половине дня 9(22) февраля 1918 г. Тело убитого «чернецовцы» вынести не смогли.

³³⁶ Отправка вынужденно задержалась. К эшелону на станции подошла группа казаков и потребовала вернуть одно из орудий 1-й батареи. Нетрудно было догадаться, что речь шла о «похоронной пушке». Мотивировали своё требование казаки тем, что орудие, якобы, было предоставлено юнкерам «в учебных целях», но никак не для участия в боевых действиях. Более того, поступил приказ частью сил выдвинуться к Атаманскому дворцу, так как толпа казаков, окружив здание, требовала низложения Каледина. Прибыв на место, Чернецов не стал создавать фиктивный комитет и вступать в переговоры. Он просто предупредил, что откроет огонь. Этого оказалось достаточным. Казаки разошлись.

север. По прибытии на станцию Чернецов присоединил к отряду 4-ю Офицерскую роту и, посадив её в свой эшелон, проследовал дальше³³⁷.

На подходе к Лихой 1-я батарея произвела два артиллерийских выстрела. Этих двух орудийных выстрелов, ставших первыми, как для батареи, так и для всей Добровольческой армии оказалось достаточно, чтобы станция казаками Донревкома была немедленно очищена. Но едва отряд Чернецова занял Лихую, было получено сообщение о том, что станция Зверево вновь занята противником, выбившим едва успевший прибыть на неё взвод 1-го батальона. Чернецов с 4-й Офицерской ротой вернулся к Зверево, в которой и на этот раз противника уже не оказалось. Зато выяснилось, что подошедший от Дебальцево значительный отряд красногвардейцев, высаживается на станции Гуково. Для его отражения в Зверево был вызван из Новочеркасска теперь уже весь 1-й Офицерский батальон³³⁸. Не беспокоясь более за тылы, Чернецов сосредоточил почти все свои силы на станции Лихая. Лишь одна партизанская сотня оставлена была для охраны железнодорожной ветки Зверево – Новочеркасск.

16 января головной эшелон под командованием Миончинского начал выдвижение от Лихой к Каменской. У разъезда Северо-Донецкий путь ему преградил, разворачивающийся в цепь отряд Донревкома. Сразу же об этом по телефону было сообщено Чернецову. Все «свободные» юнкера также рассыпались в жиденькую цепь вправо и влево от полотна, а остальным было приказано создавать как можно больший шум, производя впечатление, что эшелон наполнен людьми. От казаков между тем отделились парламентёры с белым флагом. Офицер, несколько казаков и красногвардеец, все в красных нарукавных повязках, подошли к эшелону. Офицер сообщил, что они пред-

³³⁷ Чернецов по телефону обратился в Новочеркасск с просьбой направить на оставляемую им станцию Зверево «какую-нибудь часть» для обеспечения тыла отряда. В этих целях из состава 1-го Офицерского батальона был выделен взвод, который незамедлительно проследовал на станцию.

³³⁸ В ночь на 20 января частью сил занял станцию Гуково.

ставляют соединённый отряд красногвардейцев³³⁹ и казачьих полков, и предложил уйти обратно на Лихую, угрожая в противном случае применить силу. Миончинский, желая выиграть время до прибытия партизан, потребовал отвести казачьи цепи к разъезду и вступил в переговоры. Начались взаимные упреки и призывы, офицер-донец скрытно сообщил, что казаки, стоявшие на левом фланге и в центре, драться не желают. Миончинский отвечал уклончиво, ссылаясь, всё время на то, что он лицо подчинённое, самостоятельных решений принимать не может и лишь выполняет приказ.

Едва показался паровозный дымок подходящего партизанского эшелона, переговоры были прерваны. Чернецов соскочил с подножки и, не дав даже произвести до конца расчёт своих сотен, приказал Миончинскому открыть огонь. Орудие дало первый выстрел, что и послужило сигналом к началу боя. Стороны, не атакуя друг друга, завязали интенсивную ружейно-пулемётную перестрелку. Оба орудия Юнкерской батареи посылали снаряд за снарядом, сосредоточив усилия на правом, «неказачьем» фланге противника. Командир первого орудия штабс-капитан А.А. Шперлинг корректировал огонь, взобравшись на телеграфный столб. 12-я Донская казачья батарея, хоть и вела огонь по «чернецовцам», но шрапнель специально ставилась на высокий разрыв и вреда не причиняла.

Наконец, партизанские цепи, развернувшись, пошли вперёд. Едва они приблизились на 800 шагов, казаки оставили свои позиции и отступили, всё ускоряя темп, в северном направлении. Из опроса пленных выяснилось, что со стороны казаков не было сделано ни единого выстрела, ядро «чертковского» отряда составили солдаты 5-го пулемётного полка. Захваченные красногвардейцы были расстреляны на месте. Потери «чернецовцев» оказались незначительными. В батарее два юнкера были убиты, и один получил лёгкое ранение.

Всю ночь партизанские эшелоны простояли на разъезде. На рассвете 17 января Чернецов занял Каменскую, эвакуиро-

³³⁹ Красногвардейцев, успевших прибыть от Чертково, было не более 100 человек с пятью пулемётами. Они стали на правом фланге ревкомовского отряда.

ванную казаками без боя. Выяснилось, что 6-я Гвардейская Донская батарея уходила из Каменской самостоятельно, переправилась через Северский Донец, проследовала на хутора, расположенные в районе ст. Глубокой. Высланная вдогонку с целью захвата команда конных юнкеров, батарею обнаружить не смогла, что впоследствии сыграло в судьбе Чернецова роковую роль. В середине дня юнкера штабс-капитана А.А. Шперлинга выдвинулись с орудием до разъезда Погорелово, где произвели разведку боем. После непродолжительной артиллерийской перестрелки юнкера вернулись обратно к отряду.

Население Каменской встретило партизан сочувственно. На станции дамским кружком был организован питательный пункт. Местная учащаяся молодёжь записывалась в партизаны прямо в станционном здании. Из неё была сформирована 4-я сотня партизан. Каменские офицеры составили дружину самообороны.

Готовилось выступление на Глубокую, но утром 18 января пришло сообщение, что наступающие от Дебальцево красногвардейские отряды выбили добровольцев из Лихой³⁴⁰. Занятие советскими войсками этой узловой станции было чревато самыми серьёзными последствиями. Дело даже не в том, что красногвардейцы могли теперь угрожать тылу Чернецовского отряда. Саблин, выходя на железнодорожную ветку Лихая – Новочеркасск южнее выдвинувшихся к Каменской партизан, мог теперь продвигаться в южном направлении, к Новочеркасску, почти беспрепятственно. Донских дивизий, Гвардейской казачьей бригады к тому времени практически уже не существовало. Казачьи полки способность к ведению боевых действий утратили окончательно. Большая часть Добровольческой армии к этому времени перешла в Ростов и там втянулась в тяжёлые бои. Остававшиеся в Новочеркасске подразделения в той или иной степени принимали участие в рейде

³⁴⁰ 17 января 4-я Офицерская рота, оставленная на станции Лихая, все атаку красногвардейцев отразила. Но на рассвете 18 января, окружённые со всех сторон многократно превосходящим противником, добровольцы вынуждены были оставить станцию. При прорыве они не смогли даже вынести с поля боя своих раненых.

Чернецова. Каледин в случае прорыва мог рассчитывать лишь на воспитанников Донского военного училища, да на незначительные партизанские отряды. Отразить натиск многотысячной массы советских войск Саблина они, очевидно, были не в состоянии.

Поэтому от движения на Глубокую Чернецов был вынужден временно отказаться. Оставив для охраны Каменской вновь сформированную офицерскую дружину, он двинул партизанские эшелоны назад к Лихой³⁴¹. Около 12 часов, заняв обе колеи, двигаясь уступом, чтобы не мешать друг другу, эшелоны вышли к Лихой. Остановились в полутора километрах от станционного здания и, рассыпавшись в цепь вправо и влево от вагонов, спокойным шагом, во весь рост двинулись к станции. Против 250–300 партизан и юнкеров 1-й батареи в Лихой находилось свыше тысячи красногвардейцев, которые сразу же выдвинулись цепью навстречу и открыли интенсивный ружейно-пулемётный огонь. Партизаны шли, не стреляя. Лишь два пулемёта отвечали с тендеров обоих, медленно продвигавшихся за цепью партизан эшелонов. Да оба орудия вели артиллерийскую дуэль с батареей противника.

Сблизившись с красногвардейцами на расстояние в 200 шагов цепь партизан с криком «Ура!» перешла на бег и устремилась в штыки. Одновременно контратаковали с южного направления и остатки 4-й Офицерской роты полковника Морозова. Противник дрогнул³⁴² и, оставив свыше 100 убитых, в 20 минут очистил станцию. Толпа красногвардейцев отходила вдоль полотна. Обгоняя их, спешили вырваться со станции эшелоны. На замыкающем, ввиду прямого попадания в вагон артиллерийского снаряда возник пожар.

Разгром в Лихой потряс группу Саблина куда сильнее, чем

³⁴¹ По утверждению Н. Туроверова Чернецов также оставался в Каменской «для подготовки Глубокинской операции». Командовал партизанами под Лихой заместитель Чернецова поручик В. Курочкин.

³⁴² Местные жители позже сообщили, что во время боя в одной из станционных построек проходило совещание командного состава. В результате прямого попадания артиллерийского снаряда все были убиты, что усилило панику.

даже промах с Дебальцево. Отряды в панике устремились на запад. Судя по всему, общее командование было нарушено, каждый командир двигался сам по себе и рубежи отхода выбирал самостоятельно. Войска Саблина отскочили по двум расходящимся железнодорожным веткам. Отдельные отряды удалось остановить лишь на станциях Должанской и даже Семейкино. 19 января Саблин отправил Антонову-Овсеенко следующую телеграмму: «От Лихой войска отступили вследствие панического бегства красной гвардии. Потери убитых пока неизвестны, ранено 27. 85-й полк потерял около 20 убитыми, 2 ранено. Красная гвардия потеряла 11 пулемётов из двенадцати. 85-й полк – три из десяти. Сейчас они находятся в Верхнедуванном и Семейкино. Юнкера имеют две броневых площадки с орудиями³⁴³. От Зверева отступили вследствие неисполнения Рухимовичем боевых приказов и паники его отрядов, вызванной слухами о двух тысячах казаков, находящихся будто бы в тылу. Войска находятся сейчас на ст. Должанская, Провалье. Авангард у Гуково, где идёт бой».

Вероятно, Саблин и сам чувствовал себя не совсем уверенно. В тот же день он телеграфировал снова: «Замечены попытки противника отрядами силою до 400 человек с орудиями, появляющимися у ст. Изворино и Должанской³⁴⁴, отрезать наши части, стоящие в Плешаково, Гуково, Заповедное. Не имею резервов. Принуждён ограничиться одной регистрацией телеграмм. Прошу вас двинуть ко мне 4-ю дивизию для восстановления положения».

Паникой и отходом дело не ограничилось. Откатившись от Лихой, 3-й Московский Красногвардейский отряд потребовал отправить его в Москву «для пополнения». В отряд выезжал Антонов-Овсеенко, стыдил бойцов за проявленную трусость,

³⁴³ Речь идёт о двух Чернецовских эшелонах с платформами, приспособленными под орудия 1-й Юнкерской батареи.

³⁴⁴ Слухи о появлении отрядов «калединцев», да ещё с артиллерией под Должанской можно объяснить лишь впечатлением, произведённым на советское командование партизанами Чернецова. По-видимому, за «отряды» были приняты одиночные конные казаки с близлежащих хуторов.

но ничего изменить не мог³⁴⁵. Ввиду потери боеспособности красногвардейцев пришлось разоружить и отправить в Москву с соответствующей аттестацией. Лишь незначительная часть отряда выразила раскаяние и желание искупить вину в бою. Под Гуково они уже не вернулись, направлены были к Сиверсу. Вслед за москвичами выбыл из строя и казавшийся достаточно устойчивым Харьковский отряд Рухимовича. Охваченный паническими настроениями, отряд потребовал немедленной его отправки в тыл. Несмотря на прямые приказы вернуться на фронт, Рухимович самовольно вывез отряд в Харьков, за что в скором времени Саблин объявил его в приказе дезертиром.

Серьёзное впечатление произвело занятие Чернецовым Каменской и на Донревком. После боя у Северно-Донецкого от былых амбиций не осталось и следа. Уже 19 января Антонов-Овсеенко получил от члена Ревкома Маркина телеграмму следующего содержания:

«Политический вопрос принципиально решён. Абсолютно да, да, да. Официальное да. Декларация последует в самом непродолжительном времени».

Последовала сразу же за телеграммой Маркина:

«Харьков. 19/1 – 1918 г. Из Луганска, №449 – Харьков, Комиссару Антонову. Донской Казачий Военно-Революционный Комитет просит вас передать (в) Петроград, (в) Совет Народных Комиссаров следующую резолюцию Донской области. Казачий Военно-Революционный Комитет на основании постановления фронтового съезда в станице Каменской, постановил:

- 1) Признать Центральную Государственную власть Российской Советской республики, Центральный Исполнительный Комитет съезда Советов казачьих, крестьянских, солдатских и рабочих депутатов и выделенный им Совет Народных Комиссаров.
- 2) Создать краевую власть Донской области из съезда Советов казачьих, крестьянских и рабочих депутатов.

³⁴⁵ «Дикая паника, – пишет Антонов-Овсеенко, – охватила наши красногвардейские отряды – харьковцев и 3-й Московский отряд, а также батальон 85-го полка. Чернецовцы не только восстановили положение, но и оттеснили Саблина в исходное положение...»

Примечание: Земельный вопрос Донской области разрешается тем же областным съездом.

За председателя прапорщик Кривошлыков.

Секретарь Дорошев.

Члены:

прапорщики Стрелянов, Копалей,
Кривушев, Черноусов, Еронин»

«Я немедленно предписал нашим органам снабжения удовлетворить полностью заявки Донревкома», – пишет Антонов-Овсеенко.

Но не эти столь значимые для последующего развития событий перемены повлияли на трагический финал Чернецовского рейда. В конце декабря с Новочеркасской гауптвахты по просьбе М.П. Богаевского³⁴⁶ был освобождён войсковой старшина Голубов. Вполне допустимо предположить, что Голубова освободили в надежде, что он, возглавив какую-либо не разложившуюся ещё казачью часть, выступит с ней на стороне Войскового правительства³⁴⁷. Возможно, и сам Голубов не знал до поры, что он будет делать³⁴⁸. Примкнуть к одной из сторон

³⁴⁶ Позже Богаевский высказывался по этому поводу: «С болью в душе должен сказать, что у меня в душе нет более тяжёлого греха, как выпуск на свободу Голубова. Алексей Максимович был против этого. Но я поверил искренности Голубова. Сидя на гауптвахте, он вызвал меня и в течение полутора часов уверял меня в своей преданности Дону и клялся, что не пойдёт против казачества».

³⁴⁷ Такое, вполне правдоподобное, предположение высказывает Антонов-Овсеенко.

³⁴⁸ Вот что писал большевик Донецкий, прошедший вместе с Голубовым (и, между прочим, также и с В.С. Ковалёвым) на Новочеркасской гауптвахте весь декабрь и часть января: «Странный человек этот войсковой старшина! Он часами рассказывал нам о своих похождениях в тайге, о побоище, которое он устроил в Харбинском ресторане, изгоняя из него пьяных английских офицеров, об ужасах, которые он наблюдал в армии на полях Манчжурии... Ещё вчера он был большевиком, мурлыкал «Интернационал», во всём соглашался с Ковалёвым. А сегодня вдруг он – уже эсер, до небес превозносящий эту «героическую партию». Завтра он уже превратился в ярого самостийника: «Дон для казаков!». «Если я буду атаманом!»...

Он сначала писал и читал нам дерзкие, вызывающие письма Богаевскому. Затем разрывал их и писал снова, иным тоном: «Дорогой Митрофан Петрович!»...

Н.М. Голубов

войсковой старшина не спешил, так как это не сулило ему никаких выгод. И лишь когда в Каменской начал заседать Съезд фронтового казачества, Голубов определился с выбором. В среде своих же казаков, выступивших против Каледина, он легко мог, как ему представлялось, выдвинуться и достичь желаемых высот.

Военная организация Донревкома с самого начала оставляла желать лучшего. Главнокомандующим Ревком назначил есаула Герасимова, его помощником есаула Смирнова³⁴⁹. Однако побудить казаков к боевым действиям они не могли. Не ввязываясь в перестрелку, они отходили при одном лишь приближении эшелонов Чернецова. В этой обстановке 16 января в Каменскую прибыл Голубов и сразу же вступил в командование

...дней за десять до его освобождения, Голубов вышвырнул караульного начальника – прапорщика, вошедшего в камеру, а через два дня после этого случая, когда на пороге нашей камеры показался Каледин в сопровождении Богаевского, Голубов скомандовал нам «смирно» и вытянулся в струнку.

Странное впечатление производил он, этот отчаянно храбрый человек, о котором ещё в 1916 году на фронте я слышал, как о безукоризненно честном командире сотни, любимом своими казаками.

За два месяца, проведённые в одной камере с Голубовым, я составил о нём такое мнение: или он был действительно ненормален психически, или хотел казаться таким «странным» и скрывал за этим какую-то определённую цель. Такого же мнения о Голубове был и Ковалёв.

Последующие дни, когда решалась судьба казачьей контрреволюции, показали, что Голубов знал, чего хотел: он хотел быть донским атаманом, хотя бы и «красным», хотя бы и «советским».

Но с неперменным условием: «Дон для казаков!»

Даже если характеристика во многом упрощена, нельзя не согласиться, из тональности она не выбивается.

³⁴⁹ Был послан во главе делегации ВРК для переговоров с Чернецовым и арестован последним на станции Звереве.

27-м Донским полком, сохранившим боеспособность³⁵⁰. Казаки приняли Голубова, увидев в нём опытного, знающего, заботливого командира, каковым он без сомнения являлся.

К этому времени Каменская уже очищалась частями Донревкома. Сам Ревком перебрался в Миллерово. Верные ему сотни 10-го, 27-го, 44-го Донских казачьих полков отошли на станцию Глубокую. Сюда же подтянулся от Черткова и Миллерово и отряд красногвардейцев Петрова. Сам Петров убыл из Миллерово и 21 января оказался вдруг в Чертково...

За взятие Лихой Чернецов был произведён Калединым через чин в полковники. На станции были захвачены в качестве трофеев 13 пулемётов, брошенный красногвардейцами эшелон с имуществом и съестными припасами и вагон со снарядами. Однако потери среди партизан оказались чувствительными. Во время атаки выбит был почти весь командный состав. Заместитель Чернецова поручик Курочкин, получивший ранение в голову, не покинул поле боя и продолжал руководить своей сотней, но после вынужден был временно выбыть из строя. Убито и ранено было немало партизан, в рост атаковавших пулёмётные гнёзда. Лишь в 1-й батарее потеря в этот день не было.

1-е орудие образца 1902 г., штабс-капитана А.А. Шперлинга оставалось с прикрытием в Лихой. Остальные силы отряда стянулись к Каменской. До полуночи в дамской комнате станции разрабатывался план предстоящего наступления на Глубокую. По предложению сотника Линькова решено было предпринять обходное движение. Сам Чернецов с полутора сотнями партизан и юнкеров при трёх пулемётах и одном орудии должен был обойти Глубокую и, разобрав пути, атаковать станцию с севера. Оставшаяся часть отряда с Каменской офицерской дружиной и вторым орудием, подтянутым из Лихой, под общим командова-

³⁵⁰ «7 января, – пишет Антонов-Овсеенко, – в Харьков прибыл с фронта экстренным поездом эшелон казачьего полка (кажется 27-го), делегация от которого, во главе с есаулом Смирновым и Герасимовым, явилась ко мне с рекомендацией от Ревкома Юго-Западного фронта. По их уверениям, они спешат на Дон, для активной борьбы с Калединым...» В конечном итоге, так и получилось.

Р.Г. Лазарев

нием есаула Романа Лазарева³⁵¹ должна была наступать вдоль железнодорожного полотна. Обе группы должны были атаковать Глубокую одновременно в 16 часов³⁵². Готовилась операция на уничтожение противника, захват орудий и военного имущества. Силы красногвардейцев оценивались в 1000 штыков. Вопрос с Каменским ревкомом считался после боя у Северо-Донецкого разрешённым. Саму мысль о возможности боя с казачьими частями никто не допускал.

Утром 20 января 1918 г. под командованием Чернецова из Каменской выступили:

- две сотни партизан (одна из них 4-я, набранная из учащих-ся Каменской, в которой едва насчитывалось 50 штыков);
- 2-е орудие поручика Казанли 1-й Юнкерской батареи на конной тяге с прикрытием пешего взвода под командованием подполковника Миончинского;
- остатки 4-й Офицерской роты (не более взвода) под командованием полковника Морозова.

Отряд сопровождали в двуколке врач и две сестры милосердия.

Выступление отряда, намеченное с рассветом, задержалось до 9–10 утра ввиду собирания подвод и разгрузки с платфор-

³⁵¹ Роман Григорьевич Лазарев, 1983 г.р., после окончания Новочеркасского казачьего юнкерского училища 6 августа 1913 года получил чин хорунжего и был зачислен в 6-й Донской полк, в составе которого выступил на Великую войну. В боях отличался личной храбростью. 24 февраля 1915 г. при местечке Незвистка во главе группы спешенных казаков захватил «действовавший» пулемёт противника, за что был награждён Орденом Святого Георгия 4-й степени. Кавалер Ордена Святой Анны 4-й и 3-й степеней, ордена Святого Станислава 3-й степени. Кавалер Георгиевского оружия. «Беспутный, но милый моему сердцу Роман», – позже напишет о нём Краснов...

³⁵² По другим данным одновременная атака с двух направлений должна была начаться сразу после полудня.

мы орудия. Отряд двигался скорым шагом, сам Чернецов то и дело выезжал на автомобиле, вооружённом двумя пулемётами «Кольт» и за это прозванным «броневым» на разведку³⁵³. Настроение у всех после удачного «дела» под Лихой было приподнятое. Планировалось выйти к железной дороге севернее Глубокой в 14–15 часов.

Однако, потеряв направление, отряд сбился с дороги и вышел к Глубокой только к вечеру, гораздо позже 16 часов. Люди все устали, проголодались и промёрзли. Совершенно непонятно было, атаковала ли станцию группа Лазарева, или, заняв позиции, ждала, когда начнёт атаку обходная колонна. Вполне вероятно, следовало бы дожидаться утра, но у Чернецова на этот счёт был свой взгляд и свои резоны. Немедленная атака могла ещё стать неожиданной. Психологический фактор в его операциях, когда противник по численности превосходил партизан в три-четыре раза, играл ключевую роль.

Так или иначе, но Чернецов приказал выдать по полбутылки водки на трёх человек, чтобы люди согрелись, и атаковать. Уже темнело. Партизаны с 4-й ротой развернулись в цепь и начали спускаться с холмов по направлению к Глубокой. Станция лежала чуть ниже. Хорошо просматривалась мельница. Видно было, как в сгущающихся сумерках маневрировали паровозы. Всё, казалось, было спокойно. Орудие было установлено на ближайшем бугре. Чтобы усилить панику Чернецов приказал Миончинскому открыть по станции огонь.

Однако всё вышло не так, как задумывалось. Едва выпустили первые снаряды, в ответ открыла огонь четырёх орудийная батарея, стоящая на закрытой позиции. Появились первые раненые, но юнкера продолжали обстрел станции. Вдруг отказало зарядное приспособление. Орудие, так удачно поддерживающее партизан, замолчало. Послали за запасным, но обнаружилось, что в спешке выступления и из-за неопытности юнкеров, при разгрузке с платформы в темноте перепутали передний ход ящика с передком орудия. В результате инструментальный

³⁵³ Планировалось использовать автомобиль для выдвигения к железнодорожной дороге и порче пути. Однако уже у Глубокой все шины полопались, машина стала, и её пришлось бросить.

ящик остался в Каменской. Пытались отремонтировать под огнём подручными средствами, но безуспешно.

Тем временем партизаны спустились к станции и, подойдя к небольшой речке у посёлка, неожиданно натолкнулись на интенсивный ружейно-пулемётный огонь. Завязался бой. «Чернецовцы» бросились в штыковую атаку и выбили противника из посёлка, но при этом понесли большие потери. Несмотря на это они продолжали атаковать. Перестрелка продолжалась до полуночи. Потом стихла. Лишь раздавались одиночные выстрелы. Юнкерам у замолчавшего орудия стало ясно, что станцию взять не удалось.

При атаке партизанам в цепи было указано лишь направление. О месте сбора в случае неудачи ничего сказано не было. Поэтому Миончинский приказал развести костерок у орудия. На него стали выходить от Глубокой группами и в одиночку партизаны. Оказалось, что на плечах отступившего противника им удалось ворваться на станцию и занять здание вокзала. Однако от стоящих на путях эшелонов они вновь были встречены огнём в упор. Явное многократное превосходство противника, огромные потери, неясность обстановки в условиях ночного боя не позволили им закрепиться на станции. Главное же, от Каменской атаку Чернецовской группы никто не поддержал³⁵⁴. В темноте цепь разбилась на изолированные группы. Управление было потеряно. Растерявшись, партизаны превратились вдруг в тех, кем они собственно и были, во вчерашних гимназистов и кадет³⁵⁵. Блуждая, они начали отходить назад. Некоторым пришлось пробиваться с боем. Прибывшие последними докладывали, что натыкались уже на заставы, выставленные в

³⁵⁴ Впоследствии оказалось, что группа партизан Лазарева с 1-м орудием штабс-капитана Шперлинга, двигаясь в эшелоне, вышла на подступы к Глубокой во второй половине дня 20 января. Не дождавись атаки Чернецова, Лазарев возвратился в Каменскую и этим замкнул цепь нелепого стечения обстоятельств и фатальных ошибок, приведших к гибели Чернецова. На другой день Лазарев атаковал, было, Глубокую, но, остановленный запиской Чернецова, вышел из боя и вновь вернулся в Каменскую.

³⁵⁵ По словам Н. Туроверова Чернецов перед атакой лично обучал 25–30 набранных в Каменской новичков-партизан, как заряжать винтовку, целиться и вкладывать обойму.

посёлке и у ручья. Всего вышло человек сорок-пятьдесят. О 4-й Офицерской роте известно ничего не было. Ни один её офицер к костру не вышел³⁵⁶.

Командный состав собрался у костра, чтобы обсудить создавшееся, весьма незавидное положение. Партизаны, предварительно опустошив все остававшиеся съестные припасы, падали на снег, где стояли и тут же засыпали от усталости. Чернецов решил идти на ближайший хутор. Подходящее для ночлега место долго искали конные ездовые, выезжал и сам Чернецов. Наконец, нашли 80-летнего старика, взявшегося проводить отряд. Хутор оказался километрах в трёх от Глубокой. Тут же разбудили людей, осмотрели место стоянки, чтобы не оставить уснувших, и двинулись за стариком. Через час добрались до затерянного в степи хуторка, в двух избах которого все вповалку и разместились. Лошадей распрягли и задали корм. Раненых с передка перенесли в хату. Спать приходилось в лучшем случае сидя, но всё равно все, партизаны и юнкера, тут же заснули мёртвым сном. Лишь подполковник Миончинский с поручиком Казанли всё возились с зарядным приспособлением, которое к концу стоянки им всё же удалось исправить. Когда ближе к утру в помещении раздался выстрел, многие даже не проснулись. Оказалось, что партизан, не разрядивший винтовку, нажал во сне на спусковой крючок и ранил юнкера³⁵⁷.

На рассвете 21 января, отдохнув ещё около двух часов, стали собираться. Чернецов спешил, юнкера-ездовые даже не успели напоить лошадей. Вначале вышли на вчерашнее место стоянки. Однако даже и Чернецов убедился, что численно уменьшившийся едва ли не вдвое отряд взять Глубокую физически был не в состоянии. К тому же связь с группой Лазарева отсутствовала. Решено было возвращаться в Каменскую.

В это время заметили приближавшегося от станции человека. Им оказался партизан, захваченный во время ночью

³⁵⁶ Позднее выяснилось, что куда более опытные офицеры в ночном бою не рассеялись и по оставлении станции отошли вдоль железнодорожных путей на Каменскую.

³⁵⁷ По словам Н. Туроверова юнкер был убит наповал. Чернецов, узнав об этом, выругался при всех.

го боя. По каким-то причинам его не расстреляли на месте, и утром ему удалось бежать. Партизан доложил, что у мельницы на окраине Глубокой скопилось много красногвардейцев. Чернецов приказал обстрелять мельницу и прилегающие дома, в том числе и для того, чтобы проверить боеспособность орудия. Миончинский пытался его отговаривать. Он утверждал, что не стоит обнаруживать местонахождение отряда в его нынешнем состоянии. Напомнил, что противником являются не столько красногвардейцы, сколько казачьи подразделения Донревкома, и оторваться в степи от сильной конной части будет весьма затруднительно³⁵⁸. Чернецов всё же настоял на своём. Орудие, оказавшееся вполне исправным, дало до десяти выстрелов. Снаряды легли удачно. Видно было, как выскакивают из домов и разбегаются от разрывов вооружённые люди. Среди партизан послышались возгласы одобрения, что чрезвычайно обрадовало Чернецова. Заметно было, что боевой дух, несмотря на неудачу в его бойцах не угас.

Наконец, орудие взялось на передки, отряд двинулся в степь. Чернецов, всё же учитывающий возможность преследования вёл партизан в Каменскую по бездорожью. Непоеные лошади едва волочили орудие. Усталость охватывала постепенно и переживших бессонную ночь людей. Не прошли и четверти пути, как увидели вдали конный разъезд, который по мере приближения колонны отъезжал в степь, но из виду не пропадал. Когда отряд прошёл ещё 2–3 километра и взобрался на возвышающееся над окружающей местностью плато, партизаны увидели разворачивающуюся для боя крупную кавалерийскую часть. На буграх становились четыре орудия конной батареи.

Это был 27-й Донской казачий полк и 6-я Гвардейская Донская батарея. Голубов сумел сделать две простых вещи, решивших судьбу Чернецова. Он, так или иначе, подтянул дисциплину настолько, что казаки готовы были по его приказу вступить в

³⁵⁸ Столкнулись не столько амбиции, сколько разная логика двух армейских офицеров. Чернецова, разведчика-партизана, весьма склонного к непредсказуемому риску. И Миончинского, строевика, привыкшего обдумывать и обеспечивать каждый шаг. Как показали дальнейшие события, прав в данной ситуации целиком и полностью был Миончинский.

бой и воевать «по-настоящему». К тому же войсковой старшина быстро разобрался в ситуации. Определил, что после утреннего обстрела, партизаны будут отступать на Каменскую и сумел обнаружить их в степи. То, что в колонне будет находиться и сам Чернецов, Голубов, конечно же, не знал. Но, думается, это вряд ли бы что изменило. Здесь коса нашла на камень. Надо отдать ему должное, Голубов, от задуманного не отступался. Напасть с пятью сотнями конных казаков на впятеро меньшего противника, пусть даже и «чернецовцев», никаких затруднений у него не вызывало. В многочисленных своих компаниях от Маньчжурии до Балкан он проделывал и не такое.

Партизаны рассыпались в цепь. Орудие снялось, было, с передка. Однако Чернецов уже понял, что при любых обстоятельствах горсть его партизан не сможет выдержать атаки нескольких конных сотен. О популярных у казаков переговорах при подавляющем их превосходстве не могло идти и речи. Поэтому Чернецов решил, не принимая боя, отступать к железнодорожному полотну, всё ещё рассчитывая получить помощь из Каменской.

Отряд стал быстро отходить. Казачьи сотни огибали фланги, но пока не атаковали. Казачья батарея, справляясь без офицеров, повела по отходящим «чернецовцам» беглый огонь. Цепь, накрываемая разрывами, стягивалась на ходу к Чернецову. Лошади, тянувшие орудие, перейти на рысь были уже не в состоянии. Сильно пересечённая местность отнимала последние силы, как у людей, так и у лошадей. После близких разрывов лошади запутались в постромках и легли. Но, выправившись, орудие продолжило движение. Казачьи сотни, охватывая партизан, заставляли их постепенно поворачивать к Глубокой. В какой-то момент орудие, следовавшее за партизанами, выкатилось к краю оврага, преодолеть который было уже невозможно. Чернецов приказал бросить орудие.

Ставшее ещё с фронта правилом, принимать решения мгновенно, сыграло с молодым полковником злую шутку. Займи отряд оборону на холмах, *при поддержке орудия* какие-то шансы отбиться ещё оставались...

Миончинский хотел дать несколько выстрелов в сторону казаков, но партизаны удалялись от оврага скорым шагом. Посчитав, что не успеет привести в негодность орудие, он только махнул рукой. Сняли замок, прицел и угломерный круг, после чего общими усилиями столкнули орудие в овраг. Падая, оно перевернулось и повисло на торчащих из ската корягах. Снятые детали подтащили к замёрзшему ручейку на дне оврага и утопили³⁵⁹.

В конце концов, отряд оказался в балке, выходы из которой заняли казаки. Чернецов, видя неизбежную гибель отряда и желая уменьшить число жертв, а, возможно, возлагая на себя долю вины за происшедшее, приказал Миончинскому прорываться со всеми конными. Тот собрал человек двадцать, и вся группа с командиром батареи во главе, выскочив из балки, устремилась в сторону Каменской. Миончинский на скаку размахивал над головой белым платком и этим на какое-то время ввёл казаков в заблуждение. Когда они сообразили, в чём дело, группа успела удалиться на достаточное расстояние. Преследовать конных юнкеров казаки почему-то не стали³⁶⁰. Всё свое внимание они сосредоточили теперь на оставшихся в овраге пеших «чернецовцев».

Партизаны рассредоточились вдоль скатов, юнкера – вокруг полковника Чернецова. Всего набралось до сорока человек. Подходили по одному отставшие. Желая смять горсть пехотинцев одним ударом, одна из сотен атаковала отряд в конном строю. Поднявшись на край оврага, и подпустив конных на расстояние

³⁵⁹ Уже 22 января Миончинский приказал штабс-капитану Князеву, который был в обходной группе и получил при конвоировании ранение от удара прикладом в голову, выехать на поиски орудия. С ним следовали юнкер Лисенко, также побывавший в окружении и, как предполагалось, запомнивший место сброса орудия и три ездовых из расчёта орудия штабс-капитана Шперлинга. Выехали ближе к полудню. Проездив часов пять по пересечённой местности, ничего не нашли и никого, к счастью, не встретили. Отдохнув, продолжили поиски. Орудия так и не нашли, но в темноте потеряли друг друга. В Каменскую возвращались поодиночке. Двое, чьи лошади, не выдержав напряжения, пали, вернулись пешими.

³⁶⁰ С Миончинским ушли все ездовые и номера 2-го орудия Юнкерской батареи, а также и сестра милосердия одной из партизанских сотен, не имеющая своего коня. Проплутав всю ночь по степи, натываясь в темноте на разьезды противника, на рассвете 22 января группа Миончинского прибыла в Каменскую. Часть пешего взвода батареи осталась с Чернецовым.

до 200 метров, юнкера и партизаны дали несколько залпов. Казаки смешались, и круто осадив коней, поскакали обратно. Чернецов громко поздравил всех с производством в прапорщики. Немногочисленное, но дружное «Ура!» было ему ответом.

То же повторилось и во второй раз. Когда казаки ружейной стрельбой были вновь отбиты, Чернецов поздравил окружавших его юношей с производством в подпоручики. Вновь над степью пронеслось громкое «Ура!»

Вся логика разворачивавшейся гражданской войны, войны по преимуществу маневренной, все многочисленные примеры, подтверждающие главенствующую роль кавалерии, когда, случалось, вырубались пехотные полки, и десяток конных *действительно* наводил панику на батальоны, говорили о том, что взвод стрелков не может противостоять казачьему полку. Видимо так же рассуждали и казаки. Развернувшись лавой, сотня устремилась в третью атаку. На этот раз Чернецов подпустил их куда ближе. Когда показалось, что стрельба запоздала, подал команду: «Огонь!» Грянул залп практически в упор, с нескольких десятков шагов. Вслед за ним другой, затем и третий... Казаки не выдержали и, подобрав раненых и убитых, поспешили ускакать назад. Они спешили, залегли на холмах и издали обстреливали партизан.

– Поздравляю всех с производством в поручики! – крикнул Чернецов.

– Ура! – вновь было ему ответом.

Отряд начал подниматься на противоположную от атакующих сторон оврага. Едва это удалось, полковник Чернецов был ранен в ногу, и самостоятельно передвигаться не мог. Партизаны хотели просить Чернецова сесть на коня и попытаться спастись, но коней уже не осталось. Да и вряд ли полковник согласился бросить отряд. Чернецова перевязали³⁶¹. Партиза-

³⁶¹ По словам чудом спасшихся очевидцев, Чернецов во время перевязки, обхватив голову руками и зарывшись лицом в землю, рычал от осознания собственного бессилия и оттого, что его партизаны, он сам, да вероятно и дело его, неминуемо должны были погибнуть. Однако самообладание, покинув на мгновение, тут же вернулось к полковнику. Вскоре Чернецов, совершенно спокойный, уже подбадривал партизан.

ны и юнкера залегли вокруг него и готовились принять последний бой. Шансов спастись не было никаких. Казаки могли просто расстрелять «чернецовцев» артиллерийским огнём 6-й Гвардейской батареи. Рассеяться и скрыться по одиночке от нескольких сотен конных, в степи было очевидно невозможно.

В описании дальнейшего различные источники, разнясь в деталях, сходятся в одном. Начались переговоры, в которых принял участие и подъехавший Голубов³⁶². Он дал Чернецову «слово офицера» в том, что если партизаны сложат оружие, их сопроводят в Каменскую. Чернецов, видя всю безысходность своего положения, согласился ему довериться. Обезоруженных «чернецовцев» построили в колонну и погнали, но не в Каменскую, а в Глубокую. При этом пленных раздели до белья и начали избивать нагайками. Заставили тащить на санках заклинившие отрядные пулемёты. Некоторые, понимая, что их ведут для передачи в руки красногвардейцев, просили конвоиров пристрелить на месте и ложились на землю. Иные падали в изнеможении. Тех и других поднимали прикладами.

Впереди ехал Голубов³⁶³, за ним, отставив далеко в сторону раненую в ступню ногу, полковник Чернецов на казачьей лошади. Следом – пленные. Замыкали колонну следовавшие в беспорядке сотни 27-го и 44-го полков с упряжками 6-й Гвардейской

³⁶² В воспоминаниях марковцев-артиллеристов начало и ход переговоров представлены следующим образом. Один из донцов, подхорунжий-казак, потерявший при атаке своего коня, начал кричать, обращаясь к своим и «чернецовцам», что надо прекратить проливать братскую кровь, сложить и тем и другим оружие и мирно обсудить «свои отношения». Группами начали подходить с опущенными винтовками казаки. Не стреляли и партизаны. Поговорили и согласились сложить оружие. Чернецов не возражал. Казаки тут же опустили винтовки на снег. За ними и партизаны. Но казаки всё подходили и подходили, их было во много раз больше. В какой-то момент, когда все «чернецовцы» оставались уже без оружия, вновь подходящие вооружённые донцы, несмотря на протесты, построили обезоруженных партизан и юнкеров в колонну и погнали в Глубокую. О слове, якобы данном, Чернецову Голубовым, при этом не упоминается. В какой степени эта красивая легенда отражает реальные события, определить сейчас вряд ли возможно.

³⁶³ Дальнейшие события изложены в соответствии с воспоминаниями Н. Туроверова, непосредственного их участника.

батареи. Один из выборных казачьих командиров упрекнул Чернецова:

– Ух, ты, гад проклятый, туда же с ребятишками лезешь!

Но Голубов остановил его и, не скрывая своего торжества, сказал:

– Ты не можешь так говорить. Чернецов три раза был ранен, он имеет Георгиевское оружие. Не так ли, полковник Чернецов?

Чернецов не отвечал, голова его была высоко поднята, глаза полужакрыты.

Подходили уже к Глубокой, приближаясь в то же время к железнодорожному полотну. От разъезда Дьякино к Голубову подъехали с докладом три казака. Голубов повернулся к Чернецову:

– Ваши части ведут наступление по железной дороге на Глубокую. Это теперь бесполезно: вы в моих руках. Напишите приказание о полной остановке наступления и о передаче без боя мне станицы Каменской. Каменская мне необходима. Я же взамен этого не отдам сегодня вас на самосуд красногвардейцам, а посадив в Каменскую тюрьму, буду судить вас всех революционным трибуналом. От себя назначьте для передачи приказа двух людей. Я же дам четырёх своих...

Чернецов на вырванном из записной книжки листке написал записку соответствующего содержания и приказал отправиться с ней в Каменскую отрядного врача в сопровождении одного из юнкеров...

Вышли к железнодорожному полотну. На нём, прикрывая видимую уже Глубокую, стоял красногвардейский эшелон. Впереди паровоза установленное на платформе орудие изредка стреляло по скрытым складками местности цепям, перешедшей в наступление Каменской группы. Со стороны эшелона подъехал верхом Подтёлков. Переговорив с ним, Голубов оставил до 30 человек конвоя, а сам с остальными направился в сторону не успевшего завязаться боя.

Подтёлков, взвинченный до предела, сразу же выхватил шашку и, размахивая ею над головой Чернецова, закричал:

«Сам всех посеку в капусту, если твои щенки хотя пальцем тронут Глубокую!» Конвоиры при этом вновь стали избивать продолжавших движение пленных. Сгустились сумерки. Со стороны Глубокой приблизились в темноте три всадника. Это могли быть только лишь казаки Голубова. Никто не обратил бы на них внимания. Но Подтёлков зачем-то спросил: «Кто такие?»

Не дожидаясь отзыва, следующий рядом с ним Чернецов пригнулся и снизу-вверх ударил Подтёлкова кулаком в лицо, выбив председателя Ревкома из седла.

– Ура! Это наши! – крикнул он, склоняясь на здоровую ногу и пустив коня наёмом в степь.

И измождённые, в кровь избитые пленные, подхватили его крик и кинулись на рассеявшихся в растерянности конвойных. Партизаны разбежались в разные стороны. Часть их, приняв красногвардейский эшелон за свой, вскочили на площадку и приняли смерть, схватившись врукопашную с солдатами-пулемётчиками. Других настигал и рубил оправившийся конвой. И всё же несколько человек, спрятавшись в садах, проплутали всю ночь и на рассвете вернулись в Каменскую, где обильно накормленные, отсыпались потом больше суток. Ещё несколько были взяты казаками на хуторах, но, пользуясь усталостью часовых, сумели бежать и утром были подобраны Лазаревым.

Сам Чернецов, посчитавший видимо, что Каменская уже пала, поскакал в родную ст. Калитвенскую, где и заночевал. Кто-то из станичников дал знать об этом в Глубокую. На рассвете 22 января Подтёлков с несколькими казаками прибыл в Калитвенскую, где и захватил впавшего в забытье Чернецова. На протяжении всего конвоирования в Глубокую Подтёлков продолжал оскорблять Чернецова. Тот презрительно молчал. Когда же председатель Донревкома ударил его плетью, Чернецов вдруг выхватил из внутреннего полушубка маленький браунинг и, направив в упор на Подтёлкова, спустил курок. Выстрела не последовало. Чернецов в гневе забыл дослать в ствол пистолета патрон.

Подтёлков выхватил шашку, рубанул его по лицу. Вскоре

казаки продолжили движение, а в степи остался лежать изрубленный труп полковника-партизана Чернецова³⁶⁴...

Когда Голубов узнал о происшедшем, он набросился на Подтёлкова, едва ли не с кулаками, а потом, говорят, даже плакал. Сам Голубов ни при каких обстоятельствах не допустил бы расправы над Чернецовым. И на то были свои причины. Каким бы беспринципным авантюристом ни был Голубов, он всё же носил офицерские погоны. И, в сущности, с Чернецовым был во многом схож. Различие состояло в том, что Голубов руководствовался амбициями, а Чернецова вёл долг. И всё же войсковой старшина не чужд был офицерского братства и в этом смысле Чернецов был ему куда ближе того же Подтёлкова. К тому же, не могла не прийти Голобову и мысль о том, что новая власть, в отличие от Атаманской, вовсе не бережёт неординарных, выделяющихся людей. Таких, например, как он сам. Напротив, не задумываясь, отбрасывает их со своего пути.

Но главным было то, что после гибели Чернецова, Голубов терял свободу выбора. Сохрани он его, как пленника, или даже, переправь в Каменскую, и при случае, ещё можно было вернуться назад. С полком, что вернее, или в одиночку. Сохрани Голубов Чернецова, его бы вероятно приняли.

Однако полковник был зарублен, и тело его брошено в степи. Хоть сам Голубов не принимал участие в убийстве Чернецова, имя его оказалось запятнанным неприглядной этой историей. Нашлось немало недовольных и среди казаков. Опасаясь за их устойчивость, возможно, опасаясь и мести со стороны «чернецовцев», Донревком, вместо того, чтобы развить успех, неожиданно эвакуировал Глубокую. Все части, включая отряд Петрова, в ночь на 23 января отошли на Миллерово и какое-то время активности не проявляли³⁶⁵.

³⁶⁴ По другой версии Чернецов был сразу же зарублен вечером 21 января у Глубокой догнавшими его конвойными.

³⁶⁵ Весьма вероятно, что учитывался куда более прагматичный фактор. Ревкомовцы могли посчитать, что таскать для большевиков каштаны из огня им нет никакого резона. Значимость свою пленением Чернецова они доказали и теперь могли на время выйти из боёв и осмотреться. Не случайно Голубов пошёл в рейд на Новочеркасск лишь тогда, когда его падение уже было предопределено.

Для Подтёлкова же Чернецов был лишь неудобным препятствием. Но главное, олицетворением всей той пропасти, которая разделяла безграмотного казака-артиллериста и блестящего офицера. Преодолеть которую, Подтёлков прекрасно это понимал, ему не удалось бы ни при каких обстоятельствах. Он и рубанул, не раздумывая. Пути отхода отрезаны были им же самим задолго до Каменского съезда...

Чернецова и остатки его группы пытались спасти. Окружной атаман генерал Усачёв, назначенный Калединым командующим войсками Каменского района, докладывал 21 января Назарову:

«Походному атаману. Полковник Чернецов с утра 20 по настоящее время ведёт бой в районе ст. Глубокая. 21 января. 19 часов. Каменская. Усачёв».

Когда подробности катастрофы стали известны в Каменской, Усачёв сразу же доложил о них в Новочеркасск:

«Походному атаману. Отходя от Глубокой 21 января, около 13 часов, полковник Чернецов с 30 дружинниками был захвачен казачьими частями 27 полка, 44 и атаманского под командой войскового старшины Голубова Николая. Полковник Чернецов ранен в ногу. Войсковой старшина Голубов прислал ко мне делегацию³⁶⁶ с просьбой прекратить кровопролитие, гарантируя жизнь полковнику Чернецову и дружинникам.

Я посылаю делегацию с ультиматумом немедленно освободить пленных. Действия с моей стороны пока прекращены. Усачёв».

Посылаемым делегатам Усачёв передал послания *назначенному* командиру 27-Донского и полковому комитету.

Командиру полка он писал:

«Полковнику Седову, 1918 г. 21 января (22 часа), Каменская. Прошу Вас употребить все усилия озаботиться о полковнике Чернецове и его людях, предоставив им медицинскую помощь, продовольствие и койки. Я надеюсь, что он будет немедленно доставлен Вами в спокойном вагоне на ст. Камен-

³⁶⁶ В качестве делегата к Усачёву приезжал от Голубова урядник 27-го Донского полка Выряков.

скую. Прошу сообщить казакам, что против казаков никто не помышляет вести войну. Правительство просит казаков отрешиться от наветов большевиков и защитить Дон, который сам хочет устраивать свою жизнь, без помощи посторонних. Генерал-майор Усачёв».

То же самое, но чуть более развёрнуто, написал он и полковому комитету:

«Полковому комитету 27 казачьего полка, 1918 г. 21 января, 23 ч. Каменская. Прошу вас, как казаков, приложить все усилия озаботиться о казаке полковнике Чернецове и его людях, предоставить им медицинскую помощь, продовольствие, покой. Я уверен, что он немедленно будет доставлен в спокойном вагоне на ст. Каменскую.

Прошу сообщить казакам, что против казаков никто и не помышляет войну. Правительство просит казаков отрешиться от наветов большевиков и защитить Дон, который сам хочет устраивать свою жизнь, без помощи посторонних красногвардейцев. В виду появления казаков на ст. Глубокой, – я прекращаю действия, но прошу казаков занять Глубокую и обеспечить её от захвата красногвардейцами. Генерал-майор Усачёв».

Делегация Усачёва, прибыв на станцию Глубокая, казаков Голубова, отошедших на Миллерово, уже не застала. Послания адресатам доставлены не были.

В ночь с 21 на 22 января произошёл телефонный разговор Усачёва с дежурным офицером по штабу Походного атамана прапорщиком Терезниковым, который фиксировался последним в полевой книжке. Генерал докладывал в штаб следующее:

«Полковник Чернецов со 120 человеками предпринял обход с севера на ст. Глубокую, чтобы захватить эту станцию, и задача почти увенчалась успехом, но, благодаря подошедшим подкреплениям большевиков со ст. Миллерово, стал отходить в направлении на х. Гусев и Каменскую и, не доходя 7 вёрст до Каменской, был окружён конными частями, указанными в телеграмме, под командою в. с. Голубова. Произошёл бой и полковник Чернецов был захвачен раненым с 30 дружинниками в плен, а остальные дружинники были частью убиты, частью рас-

сеяны, оставшиеся присоединяются к ст. Каменской. Пока ещё не установлено, сколько таковых. А остальные дружинники находятся в ст. Каменской, которые с утра защищали ст. Каменскую, а двинутый отряд полковника Чернецова под командою е. Лазарева был двинут по жел. дороге на Глубокую, результатом чего ко мне явилась делегация и принесла записку с подписями полк. Чернецова и в.с. Голубова следующего содержания: *Последнее письмо Чернецова. Написано оно карандашом, беспорядочно, торопливо на листке, вырванном из записной книжки. «1918 г. 21 января, я, Чернецов, вместе с отрядом взят в плен. Во избежание совершенно ненужного кровопролития, прошу Вас не наступать. От самосуда мы гарантированы словом всего отряда и войскового старшины Голубова. Полковник Чернецов».*

Под подписью Чернецова имеется и подпись Голубова, сделанная характерным мелким почерком Голубова.

«Войсковой старшина Н. Голубов. 1918 г. 21 января».

Не дождавшись возобновления переговоров с казаками, в середине дня 22 января взявший на себя командование Лазарев, выдвинулся с оставшимися партизанами и 1-м орудием Юнкерской батареи к Глубокой. Станция была пуста. Голубов с красногвардейцами отошли на Миллерово. Были подобраны трупы погибших накануне «чернецовцев», да вышли неожиданно к эшелону несколько бежавших из плена юнкеров. Партизан погибло больше сотни, юнкеров – 16 человек.

К вечеру факт гибели Чернецова не вызывал уже сомнений.

«Прикрытие Новочеркасска лежало всецело на состоявшем по преимуществу из учащейся молодежи партизанском отряде есаула Чернецова, писал Деникин. – В личности этого храброго офицера сосредоточился как будто весь угасающий дух донского казачества. Его имя повторяется с гордостью и надеждой... Со смертью Чернецова как будто ушла душа от всего дела обороны Дона. Все окончательно разваливалось».

Генерал во многом прав. Гибель Чернецова привела к катастрофическим последствиям. Дело даже не в уничтожении почти половины отряда. Безвозвратно был потерян ореол непобедимости. С Чернецовым шли и не сомневались в успехе.

Теперь же оставшиеся партизаны знали, поражение не только возможно, но, скорее всего, неотвратимо. Решимость и боевой дух не исчезли в один миг, но от бывшего энтузиазма не осталось и следа. Да и другого такого командира найти было невозможно. При всём уважении, второго Чернецова из Романа Лазарева не получилось.

Пока партизаны и добровольцы имели дело исключительно с пришлыми красногвардейцами Саблина, пока казаки оставались безучастными, несмотря на подавляющее численное превосходство советских войск, борьба шла с переменным успехом. Но первое же серьёзное боестолкновение с казаками, выступившими на стороне большевиков, разом всё изменило. Гибель Чернецова именно в этом бою, от казачьей руки, не случайна и знаменательна. Победить и даже отстоять Область в условиях, когда казачье население и казачьи полки не просто заявили о нейтралитете, но и начинали присоединяться к вторгнувшемуся в её пределы противнику, было очевидно невозможно³⁶⁷.

И все это понимали. От наступательной тактики, от «чернецовских» коротких, решительных ударов к концу января пришлось отказаться. Лазарев, пробыв в Глубокой не больше часа, поспешил вернуться в Каменскую и впоследствии ограничился обороной станицы.

Однако развалилось всё не сразу. Да далеко не всё развалилось и вообще. Партизанская удаля не исчезла в пару дней. «Чернецовцы» дали не один ещё бой, и их сопротивление ослабеваало лишь вследствие невозвратных потерь. Что касается добровольцев, то их подразделения формировались на иной основе и руководствовались, совершенно иной психологией. В бою ли, в повседневной жизни, в победе ли, в поражении офицерские и юнкерские роты продолжали сохранять устойчивость и главное, как ни в чём не бывало, делали своё дело. Пусть не столь ярко, но не менее результативно и куда более обоснованно.

23 января в Каменской были получены сведения, что в хуторе Астахов стоит в полном составе без надлежащего прикрытия

³⁶⁷ Вполне уместен вопрос, что было бы, не образуйся Донревком и не выступи казаки 27-го Донского на стороне большевиков? Ответ требует, конечно же, отдельного предметного разговора.

шести орудийная казачья батарея. Было принято решение её захватить. Миончинский собрал всех юнкеров, не участвовавших в обходном движении. От участвовавших также вызвалось несколько добровольцев. Есаул Лазарев выделил в экспедицию взвод партизан. В тот же день Миончинский с отрядом доехал в эшелоне до ближайшего к хутору разъезда. Впереди эшелона следовал паровоз с единственной платформой, на которой было установлено 1-е орудие штабс-капитана А.А. Шперлинга. Начали выгружаться на виду у казаков. Миончинский приказал Шперлингу выехать вперёд, чтобы прикрыть стоящий эшелон. Казаки обстреливали орудие и эшелон, но на этот раз неудачно. Окончив выгрузку, отряд вошёл в хутор. Как оказалось, батарея была казаками брошена. Защищать её никто даже и не пытался. Все шесть орудий с имуществом и амуницией юнкера подвезли к эшелону и в полчаса погрузили их на платформы.

За несколько минут до окончания погрузки со стороны Глубокой появился паровоз под белым флагом, приближавшийся с максимальной скоростью. От него до эшелона с орудиями оставалось уже не более километра, но ход паровоз не сбавлял. Штабс-капитан Шперлинг, догадавшийся, что паровоз пустой и направлен для столкновения, начал медленно отходить к эшелону. Расстояние всё сокращалось. Увеличить ход было нельзя, так как юнкера не закончили погрузку, и эшелон позади продолжал стоять неподвижно. Шперлинг приказал открыть огонь. 1-е орудие выстрелило, но неудачно. Тогда Шперлинг стал за наводчика и успел произвести ещё один выстрел. Снаряд попал в ходовую часть мчавшегося на всех парах паровоза, который сразу же вслед за этим резко сбавил ход. Всё же он наскочил на излёте на платформу, но большого вреда ей и орудию не причинил. Лишь были помяты буфера да юнкера получили ушибы при столкновении³⁶⁸.

Все шесть казачьих орудий образца 1902 г., телефонные ап-

³⁶⁸ После этого случая впереди платформы с орудием устанавливали предохранительную платформу со шпалами и железнодорожным инвентарём. Паровоз ставили тендером вперёд. За ним – вагон со снарядами, и в особых случаях вагон с лошадьми. Эшелон с орудием юнкера называли «первым броневиком Добровольческой армии».

параты, другое артиллерийское имущество и до тысячи снарядов были благополучно доставлены в Каменскую. Оставив в станице 1-е орудия штабс-капитана Шперлинга с расчётом, Миончинский с захваченными орудиями и оставшимися юнкерами проследовал в Новочеркасск³⁶⁹ и оттуда после ремонта запущенной казаками материальной части был направлен уже в Ростов.

26 января эшелоны красногвардейцев приблизились к Каменской со стороны Глубокой и выпустили по станции несколько снарядов. Навстречу выдвинулся «броневик» штабс-капитана Шперлинга. Советские блиндированные поезда сразу прекратили обстрел, и отошли назад. Видимо, это была разведка боем. У разъезда Погорелово юнкера набросали на пути шпалы, и эшелон вернулся в Каменскую. По какой-то причине железнодорожное полотно не было взорвано. Видимо, надеялись ещё наступать.

27 января советские блиндированные поезда, разобрав завал у разъезда Погорелово, вышли почти к мосту через Северский Донец, и повели обстрел станции и станицы Каменской. Вновь навстречу устремился состав с орудием Шперлинга. После короткой артиллерийской дуэли советские эшелоны отошли и скрылись за разъездом. Было приказано взорвать пути, но взрывать нужно было за Погорелово, чтобы избежать новых обстрелов. «Броневик» Шперлинга пошёл вперёд. За ним следовал паровоз с командой подрывников.

Однако блиндированные поезда противника, не отошедшие далеко от разъезда, повели интенсивный огонь. Одна из гранат угодила в вагон со снарядами. Раздался взрыв. Вагон был разбит и испорчен безвозвратно. С большим трудом его удалось отцепить от паровоза, но путь назад был преграждён. Шперлинг принял единственно верное решение. «Броневик» с разгона проскочил разъезд и огнём отогнал противника. Затем, вернувшись, перейдя на другой путь. Полотно впереди было взорвано пироксилиновыми шашками и загромождено бывшими на разъезде вагонами и платформами. После чего эшелон вернулся в

³⁶⁹ Это был последний эшелон, успевший проскочить через Лихую.

Каменскую. Потерь не было, лишь контужен при взрыве один из юнкеров.

К вечеру стало известно, что Лихая 26 января взята, 4-я Офицерская рота ещё ранее отошла на станцию Звереве, откуда в соответствии с приказом Корнилова, незамедлительно проследовала в Ростов. «Броневик» тут же развернули с севера на юг. Лазарев выделил 17(!) партизан. Устремились к Лихой. На подходе к станции вправо и влево от эшелона развернулись жиденькие цепочки партизан и юнкеров. Орудие медленно продвигалось вперёд. От станции, забитой эшелонами, навстречу выдвигалась густая цепь красногвардейцев. Завязался огневой бой, и случилось невероятное. К ночи большевики оставили станцию. Занять её было нечем. «Броневик» продвинулся на километр юго-западнее Лихой для охраны станции. Ещё дальше у пересечения веток Лихая – Родаково и Лихая – Звереве должны были выставить заставу партизаны. Около полуночи, миновав без выстрела заставу, подошёл в сгустившихся сумерках красногвардейский эшелон. Отбивать атаку силами орудийного расчёта была невозможно, Шперлинг скомандовал: «Задний ход!» Машинист в панике проскочил Лихую и на полных парах погнал эшелон в Каменскую. В темноте наскочили на поезд Лазарева, стоявший в двух километрах от Лихой. В результате крушения два его вагона сошли с полотна, легли на бок и загродили Шперлингу путь отхода на Каменскую.

И тут начали проявляться первые симптомы того, что развязка действительно близка. Есаул Лазарев, по свидетельству юнкеров-артиллеристов, «вдребезги весёлый», отцепил два своих разбитых вагона и, ничего не сказав, удалился с эшелонном на разъезд Северо-Донецкий. Силами 15–20 юнкеров сбросить с пути опрокинувшиеся вагоны было невозможно. Между тем приближался рассвет, Лихая наверняка уже была вновь занята красногвардейцами, их выдвижение на север можно было ожидать в любую минуту. Шперлинг вновь не растерялся. Ездовых на орудийных лошадях он направил в Каменскую своим ходом. Эшелон же с потушенными огнями подобрался к первой же станционной стрелке и, перейдя на другой путь, возвратил-

ся назад. Ночевали на разъезде Северо-Донецкий, рядом с составом Лазарева.

29 января, когда осознали, что отбить Лихую уже не удастся, было принято решение взорвать пути и к югу от Каменской. По понятным причинам взрывать следовало как можно ближе к Лихой. Когда «броневик» приблизился к станции, с красногвардейских блиндированных поездов открыли артиллерийский огонь. 1-е орудие отвечало. В какой-то момент граната ударила в колесо орудия, шрапнель разорвалась на платформе. Все номера были убиты или ранены, не зацепило лишь Шперлинга. Орудие с разбитым колесом вышло из строя. Пришлось отходить. Чтобы эшелоны противника не ворвались вслед за 1-м орудием в Каменскую, полотно за собой взрывали на ходу. Три юнкера, находившиеся во время попадания на другой платформе и не пострадавшие от разрыва, прыгивали на насыпь и в шахматном порядке подрывали оба пути.

Вернувшись в Каменскую, подсчитали потери. Трое были убиты, двое ранены. Орудие ремонту подлежало, но снарядов оставалось не более 20. Перспектив удержать Каменскую уже не оставалось. В самое ближайшее время следовало ожидать противника, как со стороны Лихой, так и от Глубокой. В этих условиях было принято решение оставить Каменскую.

Вечером колонна партизан Романа Лазарева³⁷⁰ и с ними 1-е орудие Юнкерской батареи с расчётом ушли в степь. Тела трёх убитых под Лихой и тяжело раненого юнкера Кизима, вскоре умершего от ран, пришлось оставить на попечение Общества врачей.

Шли всю ночь. На рассвете 30 января незамеченными перешли ветку Лихая – Царицын. К вечеру вышли к хутору Керченский, где и заночевали. Собрался сход. Лазарев рассказывал, кто они, зачем и куда направляются. Жители слушали сочувственно, даже выделили отряду подводы.

Проследовали дальше. К вечеру 31 января в селе Мокрый Луг встретили бежавших из Звереве инженеров-путейцев. Те

³⁷⁰ К партизанам Лазарева присоединилась и небольшая часть казаков 10-го Донского полка, в котором он некогда проходил службу и сам.

рассказали о самоубийстве Каледина. Поделились слухами о том, что Добровольческая армия покидает Дон. Несмотря на это, решили всё же следовать в Новочеркасск.

Когда 1(14) февраля вышли к ст. Раздорской, на окраину выехали вооружённые казаки и заявили, что отряд в станицу не пустят. После переговоров с Лазаревым всё же пропустили. 2(15) февраля отдыхали в ст. Мелеховской, где узнали о приказе Атамана Назарова о мобилизации. Сбились с направления, долго плутали в степи у окраины ст. Бесергеновской, где и заночевали.

3(16) февраля проследовали в ст. Кривянскую в сопровождении откликнувшихся на призыв Назарова казаков старших возрастов. Заночевали в станице, а утром выяснилось, что казаки, настроенные враждебно, постановили на сходе отряд пропустить, но отобрать орудие. Вновь Лазарев долго убеждал казаков. Наконец, согласились пропустить и с орудием.

Во второй половине дня 4(17) февраля прибыли, наконец, в Новочеркасск. Лазарев отправился для доклада к Назарову. Юнкера с 1-м орудием расположились в помещении Кадетского корпуса.

На этом участие 1-й Юнкерской батареи в последнем рейде полковника Чернецова было завершено. В известном смысле, дата 4(17) февраля 1918 г. может считаться последним днём и самого рейда.